

25 СЕН 1986

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

ТРИНАДЦАТИЛЕТНИЙ Митя — тот пленительный кустодиевский портрет... Серьезное, нежное отроческое лицо притягивает к себе чистотой линий. Невероятно: совсем мальчик — и так уже похож на себя, каким он станет потом... Духовность — это первое. Аристизм. Еще — обостренность восприятия. Еще — незащищенность и неуязвимость. Отзычивость. Лиризм. Упрямство. И будущая Пятая симфония, и Седьмая, и Четырнадцатая... Все уже, кажется, есть в этом едва прорисованном лице мальчика в матроске.

Сегодня ему было бы восемьдесят. И в этом возрасте его облик сохранил бы в себе что-то неистребимо юношеское,озвучное портрету 19-го года. У каждого из нас — свой Шостакович. И у некоторых — вот этот, с журнального фото конца сороковых: считанные минуты до выступления на международном форуме, четко очерченное, сосредоточенное лицо... Митя рос в атмосфере музыки. Учиться ей начал сравнительно поздно — не раньше девяти лет. Первой учительницей была мама. Тут же стал сочинять. Тринадцать лет поступает в Петроградскую консерваторию сразу на два отделения — фортепиано и композиции. Юный Шостакович был прекрасным концептирующим пианистом — мы иногда забываем об этом.

При всем своем новаторстве Шостакович традиционен в том смысле, что все свои лучшие открытия он сделал в старых формах — симфонии, квартеты... «В то время, когда многим казалось, что эти жанры отжили свое, он пишет 15 симфоний!» — сказал мне Саша Рудин, видимо, никогда не расставшийся со своей виолончелью, перед своим выходом на сцену, где

ВЕЧНЫЙ СВЕТ МУЗЫКИ

К 80-летию со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича

начиналась последняя репетиция «юбилейной программы». Первый виолончельный концерт (1959 год), Пятая симфония (1937 год)...

Музыка Шостаковича, — спрашиваю Сашу, — может, как ни одна другая, связана с эпохой, которая стала уже историей. И при всем при том она не только не теряет своей современности, но словно бы все больше приобретает ее...

— Здесь, наверное, главное в том, что она всегда — о человеке, о человеческих переживаниях, она обращена к человеческой душе, хотя слово это, кажется, сейчас не очень в моде...

— Музыканты, я знаю, воспринимают звук по-своему, но мы, простые слушатели, так уж созданы, что любим заселять музыку образами... Если говорить об образах Первого виолончельного...

— Может, и можно было бы говорить, если бы это была музыка светлая...

— Но трагичное — вершина искусства!

— Да, но оно труднее всего выражается в образах... Скажу, что 2-я часть может соперничать по глубине с любым симфоническим адажио, а весь концерт — пример удивительного соответствия соло и оркестрового развития, что всегда поражает в Шостаковиче...

Об интенсивности духовной жизни композитора говорит все — и его облик, и качеств

во, и количество сделанного в музыке. И педагогическая работа в Ленинградской и Московской консерваториях. И общественная деятельность... В общении с ним, с его музыкой люди становились чище. Добрее. Умнее. Сильнее. Знаменитая Седьмая симфония — «Ленинградская»... Ее премьера в блокадном Ленинграде. А в середине июня 42-го на специальном самолете ее партитуру доставляют в Лондон. 22 июня ее уже слушают англичане. 19 июля ее исполняют в Америке 150 оркестрантов Эн-би-си под управлением Тосканини. Мировую прессу обошли пронзительные лица наших солдат, слушающих «Ленинградскую»... На сколько времени эта музыка приблизила победу над фашизмом? Спасибо ей за каждую минуту.

80 лет... Это не те даты — 200, 300, не 100 даже... Гений мог бы еще жить среди нас... «На репетициях мне порой кажется, — сказал мне Д. Г. Китаенко, — что он сидит в зале, на своем обычном месте и слушает...» Спрашиваю известного дирижера о его встречах с Шостаковичем.

— Я тогда только начинал, и на репетициях часто присутствовал Дмитрий Дмитриевич. У этого гениального человека так же по-гениально было развито чувство такта... Он оставлял за мной право на дирижерскую индиви-

дуальность, а мне тогда едва исполнилось тридцать...

— Что вас более всего поражало в Шостаковиче?

— Ощущение формы... Невероятный тембральный слух... Мне вообще кажется, что он слышал то, что никто другой не слышит. И потом — человеческое богатство его натуры. А в результате можно играть программу Бах — Шостакович, Моцарт — Шостакович, Чайковский — Шостакович...

Спрашиваю дирижера о Пятой симфонии, выбранной для юбилейного концерта-86.

— Она уже принадлежит шедеврам — это одно из величайших творений гения композитора. Каждый услышит в ней свое, но то раздумье, которое во 2-й части, — это самое откровенное раздумье человека об всем человеческом, что нас волнует и на сегодняшний день...

В эти дни, когда особенно часто звучит Шостакович, мы слушаем эту «самую коммунистическую» музыку и говорим себе: «Да-да, именно так...» Иногда нам кажется, что и мы могли бы сочинить точно такую — так естественную, она в своей сути! И в этом — магия истинного таланта. Мы верим, что мы талантливы. Мы понимаем, что главное в жизни все-таки сотворенное. Что музыка — при всей своей космичности — рождается в человеке.

С. ВИШНЕВСКАЯ